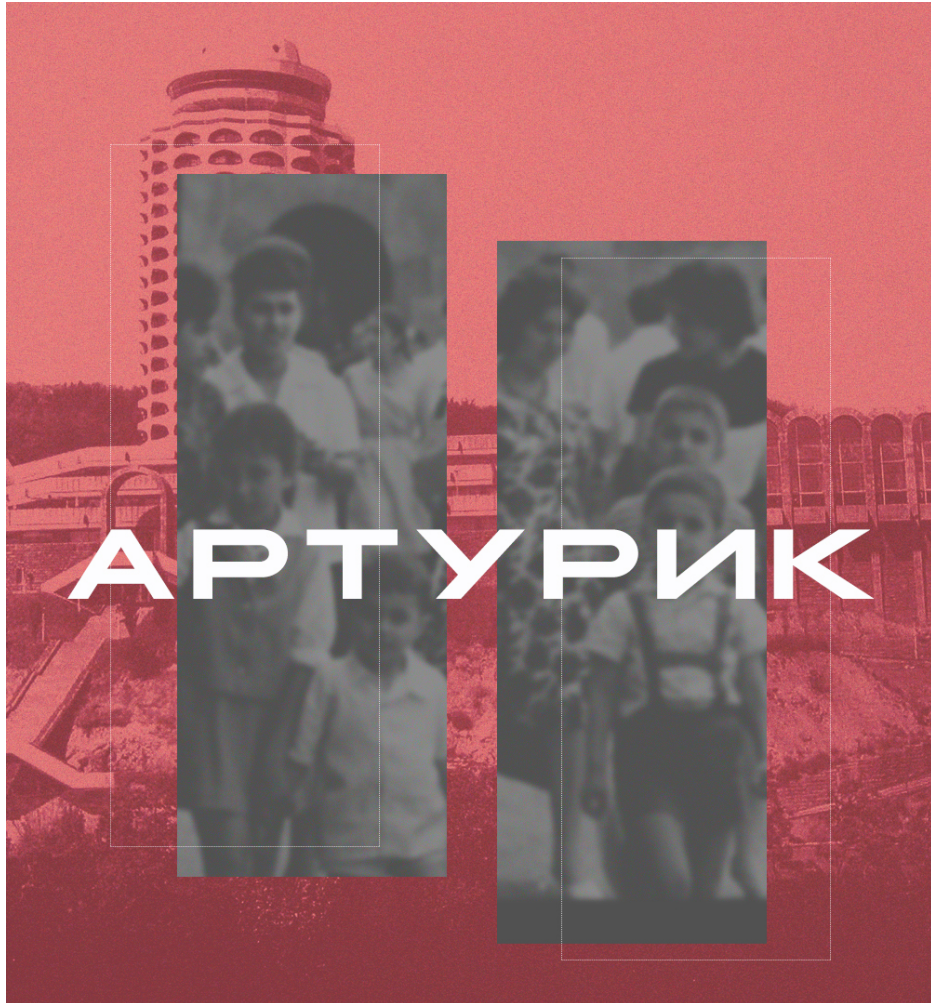

Артурик

РАССКАЗ

ВАГАН КАЗАРЯН

AM.POLITSTURM.COM

2021-04-03

9 мин. на чтение

Наверно обо всем на свете уже рассказано. Но жизнь необозримо разнообразна и неповторима, и каждая ее история имеет свой уникальный контекст, свои необыкновенные цвета. Каждая история – это урок жизни. Нередко никчемное, но часто искреннее назидание.

История, которую мы вам расскажем, произошла в первой половине 60-х годов прошлого века в Советском Ереване, в одном дворике с лачугами на берегу канала, называющийся в народе «Зангу», и, передаваясь из уст в уста, дошла до нас.

Артурик

Семилетний Артур через несколько дней пойдет в первый класс. Отец уже купил ему пару белых рубашек и заказал у одного из лучших портных города, ахпара Карписа, костюмчик тройку: с пиджачком из клетчатой английской ткани, с изящным двубортным жилетом и черными брюками, и еще одну пару брюк из другой черной ткани – на смену. А сейчас они с отцом пойдут выбирать обувь.

Из дома вышли сытые и веселые. Младший брат Артура вышел за ними на улочку, хотел посмотреть вслед старшему брату и жилистому плечистому отцу и любоваться ими. Ему очень нравилась пружинисто-грациозная походка Артура, которой подражал и он, и некоторые соседские ребята.

В каком-то из соседних домов жарили картошку на топленом масле. Жирный запах распространялся по всему двору, перемешиваясь на изгибе улочки с хлорно-аммиачной вонью, исходившей из общественной уборной, стоящей с выбитыми окнами в центре двора. Артур дышал через раз, словно оберегая легкие для более просторного, цивилизованного воздуха проспекта. И вот, оставив позади интимный антураж родных лачуг, они вышли к трамвайной остановке на широком Октябрьском проспекте. Трамвай очень скоро подошел, и через несколько минут он вез Артура и его отца к площади Ленина, там – пешком через площадь – на улицу Абовяна, в Центральный универмаг.

Обувь купили модную и очень качественную. Отец знал толк в хорошей одежде и был откровенно доволен покупкой, а Артур казался равнодушным, хотя и не меньше отца был рад. После покупки сразу вышли на улицу, ни отец, ни сын не захотели походить по универмагу, очень хотелось пить. На улице подошли к красивому пулпулаку.

Пулпулаки, эти питьевые фонтанчики, по-особенному нравились Артуру. Он как-то спросил отца: «Откуда идет вода в пулпулаке?». Отец загадочно ответил: «Это вода из наших гор...». Этот ответ заинтриговал его: он пытался представить себе, как появляется вода в горах, воображал, как люди эту воду направляют по трубам в дома и пулпулаки, но не мог это всё понять и осознать, и это щекотало его детский фантазийный ум.

Отец поднял Артура за подмышки, и тот, вцепившись за каменный ободок, стал медленно пить жутко холодную воду. Пока он пил, отец смотрел на его вчера подстриженный затылок, на тонкую светлую полоску, появившуюся

после стрижки на загорелой шее. На лице отца засветилась любовно-восторженная улыбка. Он поднял Артура еще выше и несколько раз поцеловал его шею, спину и затылок. Он чувствовал, что соскучился по сыну, словно давно не видел его и упустил, как тот вырос... Давно ли этот прелестный паренёк, жилистый и упругий, был грудничком и помещался на больших мозолистых ладонях отца?.. Совсем еще недавно утешались всем семейством рождением первенца, совсем еще недавно... Но время летело быстро, рождались новые дети один за другим, прибавляя родителям забот, и первенец Артур как-то быстро повзрослел и стал самостоятельным.

Обратно пошли пешком, держа друг друга за руки. Всю дорогу отец рассказывал о своем детстве, о том, как строились прекрасные дома на Октябрьском проспекте, показывал их орнаменты, которые высекал муж его сестры, дядя Альберт, которого очень любил Артур...

Дойдя до того места, где нужно свернуть на свою улочку, они встретили друга отца, приехавшего из Сибири в отпуск на две недели. Обрадовались, обнялись – отец пригласил его домой, а сына отпустил погулять до ужина. Артур побежал вперед, оставил обувь дома и – на улицу. Хороший это был день, легкий, ласковый...

Артур с младшим братом ходили в детсад на улице Маяковского. Утром мать повела их туда, взяв с собой в коляске самых младших своих сыновей двойняшек. Это был предпоследний день в садике для Артура, а завтра – прощальный утренник – маленький спектакль в исполнении старшей группы, конкурсы и кульминация: выступление приглашенного фокусника-циркача...

Домой из садика ребят забрала соседка, тетя Вардуи, сын которой тоже ходил в этот садик. По пути Артур встретил своего друга, смуглого и густо кудрявого Гагика, который первого сентября пойдет в третий класс. Он во дворе играл в волейбол с девочками и мальчиками разных возрастов, увидев своего друга, помахал рукой, упустив летящий на него мяч, и крикнул:

— Арт! Потом придешь сюда?

— Не знаю, — негромко ответил Артур, — лучше ты приходи.

— Тогда я приду к вам.

— Да, приходи...

Был почти жаркий августовский вечер. Артур быстро поел, переоделся: надел белую рубашку и только что снятые из сушилки чистые, еще немного сырые в поясе, штаны, намаслил волосы отцовским маслом, расчесался и вышел на улочку. Там в тени своих домов отец с соседями играли в нарды. Артур подошел к ним, встал за спиной играющего отца и, положив теплую руку на его плечо, стал наблюдать за игрой. Монотонные звуки костей, треск шашек, артистичные, но однообразные, движения рук и манерное объявление игроками результатов выпавших костей словно гипнотизировали Артура. Он стоял неподвижно и не заметил, как Гагик подошел к нему, а оглянувшись только тогда, когда тот спросил его:

— Смотришь?

— Смотрел, как играют. Они так быстро играют... даже не считают...

— У меня папа и дядя Сурен тоже быстро играют, — как-то неожиданно для самого себя крикливо заговорил Гагик. — А ты умеешь играть?

— Да, а как же! И в «длинные», и в «короткие» умею!

— Дети! Идите подальше, там играйте! — раздраженным индюком закулдыкал проигрывающий игрок.

— Ты на игру свою смотри! Чего от детей хочешь?! — хрипло воскликнул побеждающий в игре отец Артура. — Так и не научился играть!

— Сергей джан, — попытался отшутиться несколько подавленный игрок, — зар тебя любит...

— А тебя за что любить?! — с насмешкой бросил отец Артура. — Ты неинтересный!

— Ха-ха-ха, — засмеялись зрители-игроки, ждущие своей очереди занять место вылетевшего игрока, — зар любит игрока! Ты лучше сдавайся и уступи место порядочным игрокам, а то сейчас три «марса» подряд будет, и позором вылетишь, ха-ха-ха... — посмеялось азартное общество.

На улочке стало шумнее.

— Пойдешь со мной в пирожковую? — спросил Гагик Артура. — Нужно тридцать пирожков купить, пока открыто, и домой отнести.

— Пошли, — ответил Артур и, удивленно улыбаясь, спросил. — Тридцать пирожков?

— Да. К нам дядя Сурен приехал, потом в деревню вернется... Ну чтобы успеть, пока не закрылась пирожковая, чтобы в деревню взять пирожки. А что мы так пошли? Надо было мимо уборной — там короче.

Артур ничего не ответил.

— Мне папа еще денег дал, — вспомнил Гагик, — давай, как отнесем пирожки, пойдем на вокзал, купим нам мороженое.

— Нет, не хочу, — ответил Артур после некоторого раздумья, затем, посмотрев в сторону отца, вновь обратился к Гагику:

— Ой, вспомнил, я сейчас, — улыбнулся Артур всем лицом и побежал обратно к отцу, шепнул что-то ему на ухо, и тот вытащил из кармана и дал ему крупную купюру. Артур положил деньги в карман и опять бегом вернулся к Гагику.

— Мы не на двоих купим мороженое, а на всех, — зашептал он, — на обратном пути, я куплю мороженое и пирожное, съедим вместе с ребятами.

Гагик не ответил, будто не услышал. Он пристально смотрел на открытую дверь в метрах пяти от них.

— Смотри, бабушка выходит из дома, сейчас палкой стукнет, когда мимо ее двери будем проходить, — пугливо, но насмешливо зашептал Гагик. — А ты ее совсем не боишься?

— Нет, — нервно ответил Артур, — не болтай глупостей! Она добрая! Она очень хорошая...

— Здравствуйте! — поприветствовал Артур озаренную бесцветной улыбкой бабушку, появившуюся в темной одежде в темном проеме.

— Здравствуй, Артурик! — еле послышался по-старушечьи кокетливый голос бабушки в красочном звоне артуриного приветствия. — А кто этот мальчик с тобой?

— Это мой друг, Гагик! — гордо ответил Артур.

— Гагик? А чей ты сын? Ну-ка, иди сюда! — добродушно подразнила бабушка, и засмеялась, увидев, как Гагик испугался, — Ха-ха-ха.... Ты куда? Ха-ха-ха.... Артурик, иди-ка сюда.

Артур подошел, получил от бабушки конфеты для себя и Гагика, поблагодарил, спросил нужно ли чем-нибудь помочь ей – но помощь не нужна была – и он побежал обратно к другу. А бабушка, усаживаясь на тяжелый стул, подпирающий открытую дверь ее жилища, стала наблюдать за быстро отдаляющимися силуэтами Артура и его друга.

Бабушка эта была русской. Она жила одна. Во время войны ее эвакуировали в Армению, а муж и сын ушли на фронт: муж погиб, а сын пропал без вести. После войны она не вернулась в Россию, осталась в эвакуации ждать сына. Соседи уважали ее и звали по-русски «бабушкой», и это стало так привычно, что через некоторое время все и забыли, как ее зовут. Так она и осталась «бабушкой». Она очень любила детей и радовалась каждому родившемуся соседскому ребенку наравне с их родными бабушками. Но большинство детей ее почему-то боялись, тайком заглядывали к ней в окна, при ней разговаривали шепотом и рассказывали о ней страшные небылицы, и от этого еще больше боялись. А она была ласковой со всеми, знала имена и особенности всех дворовых детей, и частенько справлялась у их родителей об их здоровье и успехах. Но больше всех она любила и по-настоящему уважала Артура. Он был единственным ребенком во дворе, который бывал в ее комнатке-квартирке. Он частенько к ней заходил, и всегда находил, чем ей помочь. А сейчас бабушка уже ждала, что завтра вечером Артур зайдет к ней и расскажет о своих впечатлениях от циркача-фокусника, а она угостит его чем-нибудь вкусным.

Хорошо закончился и это день. Допоздна дети играли во дворе. Им кричали из родных окон и дверей: «...поздно, пора домой...», а они играли, пока за ними наконец не приходили и не оттаскивали домой... А завтра – новый день – длинный и красочный.

Прощальный утренник в детсаду прошел так, как было запланировано. Пришел и фокусник-циркач. Он отработал номера с голубями, картами и другими разными предметами, а в конце исполнил кульминационный номер: несколько раз выдувал изо рта пламя. Этот номер был исполнен на бис.... Вечером родители пришли за абсолютно счастливыми детьми. Все были довольны: и дети, и родители, и воспитатели, да и фокусник. Один только Артур выглядел неудовлетворенным, но очень оживленным. На улице он словно торопился куда-то на важную тайную встречу. Казалось, если бы рядом не было матери, он бы взлетел.

Перейдя улицу, мать отпустила резвого Артура и его младшего брата идти впереди, идти нужно было через дворы, где не было машин. Как только ребята отошли от матери на достаточное расстояние, чтобы она не могла их услышать, Артур с многозначительным видом спросил у брата:

— Понравились тебе фокусы?

— Да-а...

— А который понравился больше?

— Не знаю... С голубем! А тебе?

— А с огнем? С огнем не больше понравился?

— Не знаю.... — смущенный расспросами Артура, ответил младший брат.

— Я могу сделать этот фокус. Я знаю, как он это делал. Другие фокусы я пока не знаю, как делать, но можно узнать, если подумать и попробовать...

— Да? — воскликнул восхищенный брат.

— Да! Но самый сложный — это фокус с огнем. Хочешь, я для тебя сделаю этот фокус?

Братик не знал, что ответить, да Артуру и не нужен был его ответ, он все уже решил и сразу стал давать ему указания:

— Сейчас дойдем до дома, я поднимусь на чердак, там, я видел, у папы есть банка с керосином, возьму керосин и приду, а ты стой на улочке и жди меня.

Ребята дошли на пять минут раньше матери, у нее болели ноги, она не могла быстро ходить. Артур с феноменальной скоростью поднялся на чердак, нашел керосин и кусок губки и так же быстро вернулся к брату, стоящему возле отца, играющего по вечерней традиции в нарды. Через минуту появилась и мать, она посмотрела в сторону играющего мужа, увидела детей, и своим уверенным взглядом словно напомнила им, что скоро кушать, но, ничего не сказав, пошла домой. Молча дождавав возле отца еще пару минут, Артур снова обратился к брату:

— Иди, маме скажи, что папа за спичками отправил, и принеси сюда мне.

Братик исправно выполнил его поручение и вернулся. Артур направился ему навстречу, и, встретившись с ним возле уборной, завернул в один из безлюдных уголков двора, а братик — за ним.

— Стой здесь! — сказал Артур брату, а сам, отойдя на несколько шагов от него, стал готовить фокус: подщипал губку до удобного размера, обильно полил керосином, и задумался пару секунд, представив в воображении свои будущие действия.

Готово! Можно начинать опаснейшее представление без праздничного антуража и циркового пафоса!

Он положил в рот губку, зажег спичку, поднес ко рту и стал дуть на пламя...

Ах, если бы было возможно вернуть время на одну секунду назад, всего лишь, на одну, только на одну секунду. Ведь можно ж было все поменять, все делать по-другому.... Но, увы,... но, увы...

Пламя не подчинилось Артуру, стало нападать на ребенка. Мальчик боролся с проклятым пламенем, но огонь был сильнее. Губка сразу воспламенилась и стала плавиться. У ребенка началась паника. Он пытался вытащить из рта расплавленную губку, но вышла только часть, и огонь перекинулся на руки, на

одежду. Оставшийся кусок расплавленной губки обжег пищевод... Прибежал отец, когда уже загорелся остаток керосина. Он успел кинуть на ребенка свой пиджак и обнять его, потушив основное пламя, а те места, куда не хватило пиджака, он тушил руками и своим лицом...

Мальчик потерял сознание. Скорая помощь увезла его в больницу. Началась борьба за его жизнь...

Артурик мучился две недели. Не сдавался крепкий здоровый организм. Врачи старались, боролись. Родители отчаянно страдали... Жизнь не хотела умирать... Но борьба была проиграна, и четырнадцатого сентября, в день рождения отца, Артур выдохнул в последний раз.

На похороны пришло так много людей, что не хватило места во дворе. Никогда до этого здесь не было столько людей, и после этого, и до сих пор не видел этот двор столько людей... Никто не стеснялся плакать...

Все эти дни Бабушка почти не выходила из дома, и в магазин не ходила. Выходила она несколько раз, высматривала, что происходит у артуриного дома и снова закрывалась в своей комнатке-квартирке.

На второй день после похорон в открытое окно соседней спрыгнула бабушкина кошка и стала громко и тревожно мяукать. Соседка подумала, что с бабушкой что-то случилось и вышла на улочку. К ней прибежала кошка, продолжая громко мяукать, и, словно показывая куда идти, побежала к своему жилищу, периодически останавливаясь и оглядываясь. Соседка шла за ней, бесцельно спрашивая кошку о ее хозяйке.

Дверь бабушки была не заперта, и соседка вошла без стука. В занавешенной комнате было почти темно, и глаза, залитые дневным солнечным светом улицы, поначалу ничего не увидели. «Бабушка-а!» — позвала соседка, но никто не ответил. Стало уже лучше видно и она разглядела, что на диване возле двери никого нет. «Может ушла?» – подумала она, но все же вошла вглубь комнаты и увидела, что на перекладине между двумя шкафами в петле висела Бабушка. Ее ноги были на полу, но видно было, что она даже не пыталась передумать и встать на ноги. Соседка страшно напугалась. Она выскочила во двор и крикнула: «Вай! Бабушка повесилась»!

Предсмертной записки не было. Похоронили Бабушку на следующий день. Было очень грустно и до боли жалко, но никто уже не плакал.

Автор: Ваган Казарян

Оригинальная статья